

Елена Андрейчикова

Не береги себя

Как сказал его командир, люди на войне бывают двух видов: те, кто бегут от эпицентра взрыва, и те, кто бегут на взрыв. Бывают еще те, кто замирает. Но на войне таким совсем делать нечего.

В феврале он был в рейсе, а тут такое.

Досрочно списался. Старпом на прощание покрутил у виска.

Долетел до Бухареста, а там на перекладных.

Дети и бывшая жена выехали в Польшу, уже легче.

Записался сначала в ТРО.

О нет, не для этого бросил море. Самонадеянно решил, что может больше, чем просто в жилом квартале Николаева перекресток охранять.

В ЗСУ.

Здоров. Годен.

Хотя лишний вес, лишние годы. Животик, будем честными.

Начались два месяца подготовки.

Все добровольцы страдали романтизацией войны. И он не исключение. Нет, они понимали, как это страшно, как опасно, и это не Хемингуэй и не Ремарк в суперобложках, это реальность, это прямо сейчас, у твоего дома. Но поначалу все было у добровольцев храбро, громко, временами пафосно.

Пафос день за днем сбивал командир. Постепенно, так, чтобы храбрецы раньше времени не разбежались.

Стрелять получалось. Разбирать, собирать, чистить тоже.

По словам командира, дефолтная прошивка мужчин такова, что пострелять хочется почти всем. С огневой подготовкой проблем у новичков не было. Резкий звук, вспышка, запах, адреналин. Иног-

да случайно (нет, специально, конечно) подсовывали бракованный патрон. Чтобы вдумчиво, без излишней самоуверенности.

А вот с тактикой уже все не так ярко получалось: надень-ка, милый, все снаряжение и бегай до потери сознания.

Елки-палки. Бегать? Как же тяжело...

Первые дни новобранцы выпендривались: что есть, где спать.

Через неделю ели все подряд. Спасибо волонтерам, иногда подкидывали, и даже было очень вкусно.

Ах, же где вы мои корабельные омары-устрицы!

Иногда новички не выдерживали усталости. Срывались друг на друге. Ругались, иногда дрались. Потом мирились. Командир не мешал, давал нервам выход. И наблюдал.

Однажды ему захотелось заплакать. Без звука и без воды из глаз.

Не успел – уснул.

Ноги мокрые, подушка шершавая.

Ночью пришло сообщение от нее:

«Береги себя»

Сучка.

Но улыбнулся.

Уснул.

Утром вспомнил, открыл – удалила.

Вспомнил, как разводились – громко, долго, детей не давала, развод то требовала, то отказывала, то кричала в трубку, то телефон блокировала.

Не сдержался, написал.

«Зачем удалила? Можешь писать «не береги себя», все равно весело».

Собирать, разбирать, учить, сдавать, бежать, хотеть заплакать, снова бежать.

Сирена, подвал, взрыв.

– Выйдешь, глянешь? – спросил его командир.

Как позже объяснил, это тоже часть подготовки. Тревога не окончена, может еще раз прилететь, и еще, и еще. Но правило золотого часа – оценить обстановку наверху, помочь поскорее раненым, именно этот час решает, кого удастся спасти.

Страшно ему было?

Те, кто бегут к эпицентру взрыва, не успевают бояться.

Но да, страшно.

Вмиг забываешь обо всей прошлой жизни, когда видишь последствия взрыва. Война это не только стрелялки и бегалки, это еще и взрывалки, разрушалки, умиралки. Мирные жители, женщины, дети. Огонь, крики, тошнота, копоть, гарь, детская кукла, мат, молитвы, ярость и удушающая ненависть.

За ночь постарел на миллион лет.

А это еще даже до передовой не добрались.

К утру отправили их спать. Какой там сон? Как уснуть после увиденного? Как собрать себя в кучу на завтра? Как бороться с мракобесием? Как быть полезным? Как не струсить? Как не струсить? Как не струсить? Как хотя бы усмирить обезумевший пульс?

Под утро уставший организм выключился на мгновение, но запищавший от сообщений телефон прервал осколочный сон.

«Не береги себя»

А потом:

«Не береги себя»

И снова:

«Не береги себя»

Еще:

«Не береги себя»

И еще:

«Не береги себя».

